

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ МОНАСТЫРСКИХ ОКРЕСТНОСТЕЙ

озволю себе начать очерк с цитаты из книги "Методы топонимических исследований", автором которой является известный ученый из Екатеринбурга, доктор филологических наук А.К. Матвеев: "Достаточно взглянуть на карты русского землевладения в Белозерском крае в XV — XVI вв., чтобы установить, что в этот период юго-запад Белозерья еще не был заселен русскими и, как свидетельствует топонимия, был занят чудью, в то время как район Кирилло-Белозерского монастыря был прочно освоен русским населением. Топонимия юго-западного Белозерья свидетельствует о медленном обрушении местной чуди, названия района Кирилло-Белозерского монастыря — о более интенсивном процессе ассимиляции при развитии феодального хозяйствования".

Я же, соглашаясь в целом с ходом мыслей А.К. Матвеева, хочу добавить, что от XV — XVI веков дошло до нашего времени огромное коли-

чество памятников письменности в сфере государственного и частного делопроизводства, в которых сохранились сотни топонимов из окрестностей Кириллова, Горицкого, Ферапотова, Нило-Сорского монастырей. Чрезвычайно интересно сравнивать названия озер, рек, деревень полутысячелетней давности с их современными формами. Правда, большинство географических названий за столь длительный срок практически не претерпело никаких изменений, но вот некоторые топонимы чудского (а чудью тогда называли представителей финно-угорских народов — весь /вепсы/ и лопь /саамы/, живших в Белозерье до славян) происхождения претерпели в русской языковой среде такие трансформации, что на первый взгляд кажутся даже нереальными.

Деревня Карботка стоит на берегу озера Покровского. Помню, когда я десять лет назад впервые побывал в Кириллове и услышал на-

звание Карботка, мне показалось, что это продукт индустриального XX века, топоним, отражающий какое-то химическое производство. Первое впечатление, как это часто бывает, оказалось обманчивым: чуть позже, в "Сотной из писцовых книг на земле Кириллова монастыря в Белозерском уезде", датированной 1544 годом я обнаружил следующую запись: "А в Покровском приходе деревня Каргобат". От этого топонима "химией уже не пахнет", его структура выдает лопарское происхождение. Первая часть названия — "карго" — в языке лопарей имела значение "заболоченный лес", а вторая — "бат" — сопоставима со словом "ватт" — "холм". Каргобат — "Холм среди заболоченного леса". Деревня действительно находится на возвышенном сухом берегу озера, а вот к западу от нее расположена заболоченная местность вплоть до Сиверского и Лунского озер. Название последнего озера — еще одна из загадок кирилловской топонимии.

Форма названия — Лунское — говорит в пользу русского происхождения имени озера. Но что лежит в основе топо-

нимы? Неужели слово "луна" ? Это маловероятно, потому что ничего подобного в русской топонимии я не встречал. Тогда, может быть, название озера Лунское является неудачным переводом с вепсского языка, где есть следующие слова: "кудмо" — "луна" и "кудом" — "нерест, метание икры рыбой". Озеро Лунское, глубина в котором не превышает трех метров, соединено протокой с Сиверским озером, наибольшая глубина которого 26 метров ("сюя" по-вепсски "глубокое"). Возможно, для рыбы из Сиверского озера именно мелкое и теплое Лунское служило отличным нерестилищем, что и было подмечено чудью. А вот русские перевели название на свой язык неверно, использовав для этого похожее вепсское слово со значением "луна". Надо отметить, что такие неудачные переводы известны и в других местах Русского Севера.

В монастырских окрестностях я нашел и другие чудско-русские переводы и топонимические параллели, более удачные, нежели приведенные выше. Например, в "Писцовой книге езовых

рцовых волостей Бело-
зерского уезда" от 1585 года
можно встретить рядом сле-
дующие топонимы: "Дерев-
ня Хизево . . . , сена на Шекс-
не у Святаозера 30 копен".
Сегодня место, где стояла эта
деревня и было пойменное
озеро, затоплено водами Че-
реповецкого водохранили-
ща. Внешне ничего сходного
у названий деревни и озера
нет, но стоит раскрыть зна-
чение основы "хиз", которая
во всех прибалтийско-финс-
ких языках переводится как
"языческое жертвенное мес-
то, где живет леший", стано-
вится ясно, почему рядом с
этой деревней возник топо-
ним Свято-озеро. Православ-
ная церковь в данном случае
попыталась распространить
свое влияние и на область
топонимии.

В писцовой книге 1585 года
упоминается озеро Лыдоро.
Сегодня этот небольшой во-
доем (к северу от Кирилло-
ва, близ деревень Щелково и
Ермаково) носит название
Лыдырь (Лыдарь). Данный
топоним возник еще в чудс-
кие времена, но ни в
вепсском, ни в лопарском
языках нет звука "ы". По
мнению А.К. Матвеева этот
звук мог появиться лишь в

русской языковой среде на
месте исходных звуков "е"
или "и". В этом случае все
встает на свои места: основа
"лед" в языке вепсов означа-
ет "песчаное", а формант "-
оро" трансформировался из
вепсского "ярь" — "озеро".
Любопытно, что рядом с Лы-
дырем — "Песчаным озером"
есть тоже небольшое Камен-
ное (Каменское) озеро. Види-
мо, пара подобных топони-
мов на основе противопост-
авления особенностей при-
роды возникла в дославянс-
кие времена, но дальше пути
названий разошлись: одно
было полностью переведено
на русский язык, другое же
подвергнулось таким фоне-
тическим изменениям, что
от первоначальной формы
остались одни согласные зву-
ки.

Одна из самых загадочных
историй произошла с назва-
нием деревни Ратибор, кото-
рая стоит на правом берегу
Шексны против деревни Бонема (в лопарском языке
"бой" — "ручей", "нем" —
"мыс"). В XVI веке в писцо-
вых книгах, например, в упо-
минавшейся уже книге от
1544 года, рядом с описани-
ем починка Бонема неиз-
менно идет описание почин-

Александр КУЗНЕЦОВ

ков Ракульский и Ракульский Бор. То есть, за пять веков топоним трансформировался почти до неузнаваемости: Ракульский Бор — Ратибор.

Хочу отдельно остановиться на происхождении основы "ракула", которая, кроме упомянутого топонима, присутствует в названиях деревень Череповецкого, Вологодского, Харовского и Сокольского районов Вологодской области, а также в названиях нескольких деревень Архангельской области. На севере Кирилловского района, в Чарозерском сельсовете, есть деревня Ракула. Но к описываемому

мной слушаю отношения она не имеет, так как находится слишком далеко от монастырских окрестностей.

По-моему, само понятие "ракула" появилось в результате тесных контактов русского и чудского населения нашего края в древности. "Рай" — это заимствованное вепсами у русских слово "край", а "кула" по-вепсски — "чужая, не-вепсская, деревня". В целом топоним Ракула можно перевести, как "Чужая крайняя деревня". "Чужими" для вепсов на каком-то историческом отрезке были русские. Скорее всего, около деревни Ракульский Бор проходила

ница, межа между земельными владениями русских и вепсов. Провержение этому явижу в названии другой деревни на правом берегу Шексны — в 5 километрах южнее Ракульского Бора стоит село Иванов Бор. Доктор филологических наук из Вологды Ю.И. Чайкина считает, что Ивановым Бором в XVI веке стала называться целая волость по имени землевладельца Ивана Цыпляти, жившего в середине XV века. К северу же от Ракульского Бора, примерно на таком же расстоянии, что и Иванов Бор, находятся две деревни с типично чудскими именами — Каргач (см. Каргобат) и Рандач (от вепсского "ранд" — "берег")*, а между ними археологи раскопали остатки крупного вепсского поселения, известного под услов-

ным названием Крутник. И все-таки остается нерешенным основной вопрос: почему из Ракульского Бора топоним превратился в Ратибор? Возможно, существовали и какие-то промежуточные формы этого названия. Когда их удастся найти, тогда загадка будет решена полностью.

Приведенными примерами из топонимии монастырских окрестностей все интересные случаи изменений географических названий, конечно же, не исчерпываются, но рамки журнального очерка заставляют меня оставить другие загадки для следующих публикаций.

Александр КУЗНЕЦОВ

* Характерно, что Иванов Бор еще в нашем веке имел и второе название — Берег

